

Проводив взглядом дедушку, маму и сестру, Е Чуян перевел взгляд на Чжоу Чэньяна, стоявшего рядом.

— Даян-цзай, поцелуй меня.

После слияния с душой в памяти Е Чуяна всплыло множество воспоминаний, которых раньше не было. Даже будь он глупцом, он бы понял, что произошло, особенно когда видел, с какой радостью Чжоу Чэньян реагировал на обращение Даян-цзай — такое невозможно сыграть.

Чжоу Чэньян хотел поцеловать его с того самого момента, как тот открыл глаза, но тогда в комнате были люди, и ему приходилось сдерживаться. Теперь, когда все ушли, а Е Чуян сам попросил о поцелуе, Чжоу Чэньян больше не мог терпеть.

Он тут же поднялся, бережно обхватил лицо Е Чуяна ладонями и прильнул к его губам. Помня о том, что Е Чуян только оправился и скоро им снова придется показаться на людях, Чжоу Чэньян старался быть сдержанным, не позволяя себе лишнего.

Они целовались недолго — вскоре вернулся Е Илин в сопровождении доктора Чжао. После осмотра, подтвердившего, что с Е Чуяном действительно всё в порядке, старик распорядился оформить выписку.

К тому времени, как они собрали вещи и вернулись домой, уже почти наступил полдень. Вся семья не спала всю ночь, переживая за Е Чуяна, и госпожа Шэнь, опасаясь за здоровье старика, распорядилась поскорее накрыть на стол, чтобы после обеда все могли отдохнуть.

Е Чуян пообедал с бабушкой и мамой, проводил их до комнат, а затем потянул Чжоу Чэньяна за собой в свою спальню. Он знал, что Чжоу Чэньян тоже не сомкнул глаз, беспокоясь о нём. Едва войдя, он подтолкнул его к ванной:

— Сначала прими душ, а потом хорошенько выспись. Обо всём остальном поговорим вечером.

Сказав это, он закрыл дверь ванной. Чжоу Чэньян посмотрел на закрытую дверь, но ничего не сказал — молча разделся и встал под душ.

Услышав шум воды, Е Чуян перестал обращать на это внимание. Он повалился на кровать и достал телефон: заряд был на исходе, всего пять процентов. Найдя зарядное устройство, он снова улегся на кровать и, подключив телефон к сети, принялся просматривать сообщения.

Первым в мессенджере висело сообщение от Чжао Синьинь: Ян-ян, как ты себя чувствуешь? Почему у тебя разболелась голова? Тебе уже лучше? Я вчера перебрала с алкоголем и только проснулась. Подожди меня, я сейчас же приеду в больницу.

Сообщение было отправлено несколько минут назад, когда они обедали, поэтому Е Чуян его не

видел. Опасаясь, что девушка приедет зря, он тут же позвонил ей.

На том конце ответили после второго гудка:

— Алло, Ян-ян? Ты как? Голова всё ещё болит? Прости, я только увидела сообщение от дяди Чжао. Я уже собираюсь, жди меня!

По звуку фена, доносившемуся из трубки, Е Чуян понял, что она, едва увидев сообщение, сразу написала ему, а не дождавшись ответа, побежала в душ, прихватив с собой телефон, чтобы не пропустить весточку. Е Чуян порадовался, что позвонил сейчас: если бы он сделал это раньше, ей пришлось бы говорить с ним прямо в душе. Стало даже немного неловко.

— Не нужно ехать в больницу. Я позвонил, чтобы сказать, что со мной всё в порядке, я уже дома. Дедушка и мама всю ночь не спали из-за меня, сейчас они отдыхают. Через пару дней, когда мы с Даян-цзаем вернемся к себе домой, я позову тебя в гости.

Узнав, что Е Чуян выписался и вернулся в поместье семьи Е, Чжао Синьинь заметно успокоилась.

— Хорошо, тогда через пару дней приеду. Но вчера, когда мы расставались, ты был в полном порядке, почему у тебя вдруг разболелась голова?

— Не спрашивай, как вспомню — так злюсь! Ты даже не представляешь, какого агента мне подсунил Ши Цзинхэн. С того самого момента, как в сети появились слухи обо мне, она только и твердила, чтобы я терпел. Вчера по дороге на телестудию она всю дорогу зудела над ухом, от этого у меня и разболелась голова. Мне тогда хотелось просто уволить её на месте. Что это вообще такое? Вечно твердит: терпи да терпи! Я уверен, что голова у меня разболелась именно из-за её бесконечного терпения. Когда это я вообще позволял так с собой обращаться? Я несколько раз хотел опубликовать опровержение, но она каждый раз меня останавливала. Нет, не могу больше говорить, сейчас же позвоню Ши Цзинхэну, я уволю этого агента!

С этими словами Е Чуян сбросил вызов.

На том конце провода Чжао Синьинь, всё ещё сушившая волосы, была ошарашена. Она и представить не могла, что причина головной боли кроется в этом. Как Е Чуян и сказал, с самого детства он не привык терпеть обиды и даже не знал, как пишется этот иероглиф. И дело было не только в злонамеренных слухах: когда ему было пятнадцать, он вместе с отцом принимал иностранных гостей и, поссорившись с одним из принцев, так отделал того, что лицо бедняги превратилось в сплошной синяк. Все знали, что Е Чуян не из тех, кто будет молчать. То, что вчера он сдержался и не набросился на Гу Цзэчэна, уже было огромным одолжением окружающим.